

УДК 338.97
ББК 65.9(2P)32+60.55

К 176 **Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс.** – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с.

ISBN 978-5-89665-290-8

В книге представлены избранные труды автора, посвященные проблемам реформирования аграрного сектора России в 1990–2000-х годах. В них рассмотрены основные этапы, экономические результаты и социальные последствия рыночной трансформации аграрного сектора России; в контексте основных направлений государственной аграрной политики проанализированы адаптационные стратегии предприятий, семей и групп; процесс становления новых хозяйствующих субъектов; показаны механизмы возникновения институциональных ловушек и депривации сельского населения, дана оценка социальных рисков модернизации аграрной экономики страны, изложено авторское видение посткризисного развития отечественного АПК и социально-экономических механизмов оздоровления аграрной экономики.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: экономистов, социологов, ученых-аграрников, практиков, студентов и всех, кому не безразличны трудные судьбы российской деревни.

Рецензенты:

д.э.н. Щетинина И.В., к.с.н. Фадеева О.П.

ISBN 978-5-89665-290-8

УДК 338.97
ББК 65.9(2P)32+60.55

© Калугина З.И., 2015 г.
© ИЭОПП СО РАН, 2015 г.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1990–2000-х ГОДОВ¹

Экономическая реформа, начавшаяся в 1990-е годы, предусматривала радикальные преобразования в аграрном секторе страны. Она включала в себя реорганизацию колхозов и совхозов, проведение земельной реформы, развитие частного сектора аграрной экономики и была нацелена на повышение социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения. Аграрные преобразования, по крайней мере, на декларативном уровне предусматривали расширение социальных свобод. Это выразилось в предоставленном праве выбора форм хозяйствования, адекватных интересам, потребностям и возможностям трудовых коллективов, которое было подкреплено правом выхода работников из состава коллективного хозяйства, в том числе и для организации собственного дела, без согласия администрации и коллектива. Каждый сельскохозяйственный работник был наделен имущественным и земельным паем. Право на земельную долю получили и ряд других категорий сельского населения (работники социальной сферы села, пенсионеры, учащаяся молодежь и др.). Это обеспечивало сельскому населению определенный стартовый капитал для организации собственного дела.

В ходе реформы произошла институционализация новых форм хозяйствования, что обеспечило формирование многоукладной аграрной экономики. Эти меры должны были способствовать зарождению свободной конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке. Разнообразие форм хозяйствования позволяло использовать преимущества как крупного, так и мелкого производства, сочетая возможности крупного сельскохозяйственного производства с инициативой граждан. Радикальное изменение от-

¹ Эта статья была впервые опубликована в Ученых записках Московской высшей школы социально-экономических наук: Крестьяноведение. Теория. История. Современность, Ученые записки. 2005. Вып. 5. М.: МВШСЭН, 2006, с. 252–269, а затем – в журнале: Eastern European Countryside, 2007, № 13, pp. 69–82.

ношений собственности должно было обеспечить перераспределение земли и прочих производственных ресурсов в руки эффективного собственника и создать предпосылки для становления частного сектора аграрной экономики, развития агросервисных и социально-бытовых услуг. Были сняты административные ограничения для развития личного подсобного хозяйства на селе, а в последствии, благодаря специальному федеральному закону «О личном подсобном хозяйстве» от 7 июля 2003 г. №112-ФЗ, ЛПХ было признано формой непредпринимательской деятельности по производству сельхозпродукции, на которое распространяются такие же меры государственной поддержки, как и на крупных и средних сельхозтоваропроизводителей.

Другими словами, на входе реформ были созданы институциональные основы и правовая база для формирования многоукладной аграрной экономики и развития всех форм хозяйствования на земле. В последующее десятилетие аграрное законодательство было нацелено на решение проблем отношений собственности, в первую очередь на землю, совершенствование норм, регулирующих деятельность фермерских и личных подсобных хозяйств и стимулирующих развитие сельской потребительской кооперации.

Аналізу институциональных преобразований в России и их неоднозначных последствий, в частности, возникновению так называемых институциональных ловушек посвящено значительное число работ известных отечественных экономистов и социологов: В. Амосова, А.В. Алексеева, Т.И. Заславской, Р.М. Нуреева, А. Олейника, В.М. Полтеровича и др.

Институциональная ловушка, в понимании авторов, – неэффективность сложившихся институтов, обуславливающих устойчивые неэффективные нормы поведения. В качестве институциональных ловушек, составляющих угрозу экономической безопасности страны, рассматривались бартер, неплатежи, коррупция, избегание налогов, теневилизация экономики и др.

Основными причинами возникновения институциональных ловушек авторы считают: несогласованность изменений общественных институтов¹; формальность, имитация институциональных преобразований, некомплексность, некачественное выполне-

¹ Амосов А. Макроэкономическая политика в лабиринте ловушек // Промышленные ведомости // http://www.derrick.ru/pv/dec_2001_03.shtml

ние институтами своих функций¹; инерционность, традиционализм базовых институтов, сосуществование новых конструктивных правил игры с устаревшими, дисфункциональными, деструктивными нормами²; недостаточный контроль за выполнением формальных правил, неоправданное заимствование институтов из чужой культурной среды³; неприятие новых правил игры отдельными социальными субъектами, саботаж вновь установленных правил, социальная; существование теневых институтов; противоречия между общественными и частными интересами, между интересами разных социальных групп⁴.

Д. Норт указывал на то, что институты необязательно и даже далеко не всегда создаются для того, чтобы быть социально эффективными. Институты, или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил⁵. При этом создание рыночного правового поля не гарантирует возникновения эффективных рыночных институтов, естественного отбора эффективных институтов не происходит, неэффективные нормы поведения могут оказаться устойчивыми.

¹ *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

² *Бессонова О.Э.* Институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1999; *Кирдина С.Г.* X и Y экономики: Институциональный анализ. М.: Наука, 2004.

³ *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы, 1999, Т. 35. Вып. 2. – С. 3–19; *Полтерович В.М.* На пути к новой теории реформ. М.: ЦЭМИ РАН и РЭШ, 1999 // <http://www.cemi.rssi.ru/rus/publicate/e-pubs/ep99004.htm>

⁴ *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004; *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработка, потребление. – М.: Эдиториал УРСС, 2001; *Косалс Л.Я., Рывкина Р.В.* Социология перехода к рынку в России. – М.: Эдиториал УРСС, 1998; *Нуреев Р.М.* Стратегия и тактика российской модернизации в свете концепции социального рыночного хозяйства // Интернет конференция «Социальной рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России. <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/274590/print.html>; *Ханин Г.И.* Технология экономического рывка в России (чему учит исторический опыт) // ЭКО, 2004, № 10, с. 165–180.

⁵ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с англ. М.: Начала, 1997.

Существование подобных противоречий приводит к серьезным социально-экономическим последствиям, в частности, к быстрой трансляции неправовых практик на макро-, мезо- и микроуровни общества, замедлению процессов модернизации¹.

Примером таких практик может служить теневая, по терминологии Эрнандо Де Сото, «внезаконная» экономическая деятельность², рост которой стал совершенно неожиданным последствием рыночных реформ в России. В эпоху горбачевской перестройки общепринятым было мнение, что теневая экономика – это порождение присущих советской системе особенностей, дефектов, которые можно излечить либерализацией и введением частной собственности в рамках перехода к рыночной экономике. В силу этого считалось, что по мере продвижения страны по пути рынка и капитализма теневая экономика будет сокращаться и, соответственно, «световая» ее часть будет расти³. При этом теневизация экономики произошла и в неформальном секторе, одним из проявлений которой является скрытая, нелегальная оплата труда⁴.

В результате возникла своего рода институциональная ловушка: рост теневого сектора приводит к сокращению легального. Однако при сохранении уровня общественных расходов это означает необходимость увеличения налогов на легальный бизнес, что приводит к растущей привлекательности теневого сектора и т.д.⁵

По мнению В.М. Полтеровича, существуют, по крайней мере, три основных механизма и возникающих в результате их действия эффекта, способствующие закреплению неэффективных норм поведения: «эффект обучения» (неэффективная норма поведения совершенствуется); «эффект сопряжения» (неэффективная норма встраивается в систему других норм, сопрягается с ними); «эф-

¹ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // *Общественные науки и современность*, 2001, № 5. – С. 13.

² Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.

³ Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Социология перехода к рынку в России. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 84.

⁴ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработок, потребление. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 219.

⁵ Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol03/nureev_1.htm

фект культурной инерции» (неэффективная норма воспринимается как обычная и ожидаемая)¹.

Институциональная ловушка, в нашем понимании, – это обусловленное институциональными преобразованиями устойчивое существование неэффективных норм поведения, которые, в свою очередь, поддерживают устойчивое существование неэффективных общественных институтов. Остановимся подробнее на институциональных ловушках в российском аграрном секторе.

Ловушка мелкотоварности аграрного производства: архаизация вместо модернизации

Одним из неожиданных результатов аграрной реформы, магистральной линией которой было создание эффективного частного сектора на базе фермерских хозяйств, явился рост производства в личных подсобных хозяйствах. Этот феномен можно расценить по-разному.

Ряд отечественных и зарубежных авторов рассматривают расширение производства в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) как благо для страны и населения. Сторонники этой точки зрения полагают, что это и есть российский путь в светлое капиталистическое будущее: переход от коллективного социалистического хозяйствования к частному капиталистическому, к повсеместному возрождению крестьянского уклада².

Да, действительно благодаря значительному (более чем на одну треть) увеличению производства сельскохозяйственной продукции на личных подворьях удалось избежать голода в стране, сохранить общественный порядок. Однако какой ценой это достигнуто? До реорганизации коллективных хозяйств, про-

¹ Полтерович В.М. На пути к новой теории реформ. М.: ЦЭМИ Ран и РЭШ, 1999. //http://www.cemi.rssi.ru/rus/publicate/e-pubs/ep99004.htm

² David J. O'Brien. Entrepreneurial Adaptations of Rural Households: Production, Sales, and Income. In: Ed. D.J. O'Brien and S.K. Wegren. Rural Reform in Post-Soviet Russia. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2002, pp. 350–366; Zvi Lerman. The Impact of Land Reform on the Rural Population. In: Ed. D.J. O'Brien and S.K. Wegren. Rural Reform in Post-Soviet Russia. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2002, pp. 42–67; Yamamura Rihito. A New Phase of Post-Socialist Structural Changes in Russian Agriculture. In Ed. Dr. Ieda Osamu. Sapporo: Slavic Research Center, 2002, pp. 109–133; Пацюрковский В.В. Сельская Россия. 1991–2001 гг. – М.: Финансы и статистика, 2003.

веденной в начале 1990-х годов прошлого столетия, ЛПХ являлось, в основном, сферой вторичной занятости населения наряду с занятостью в общественной сфере сельскохозяйственного производства. В нем производилась примерно четверть сельскохозяйственной продукции при сохранении ее высокой трудоемкости¹.

В условиях реформирования аграрных отношений и распада колхозно-совхозного производства, роль личного подсобного хозяйства как основного источника продуктов питания и дополнительных доходов сельского населения заметно возросла. По имеющимся статистическим данным, на конец 2005 г. 16,0 млн семей в России имели приусадебные участки общей площадью 7,0 млн га или по 0,44 га на семью. Помимо этого, 14,1 млн семей имели земельные участки в коллективных и индивидуальных садах общей площадью 1,2 млн га или по 0,09 га в расчете на одну семью. Коллективными огородами общей площадью 0,3 млн га пользовались 3,2 млн семей. В расчете на одну семью приходилось по 0,1 га земли. Личные хозяйства населения наряду с сельскохозяйственными предприятиями являются в настоящее время ведущим сектором аграрной экономики. За годы реформ доля хозяйств населения в производстве сельскохозяйственной продукции выросла более чем в полтора раза и составила в 2006 г. 52,7%². Начиная с 2003 г. наблюдается некоторая стабилизация данного сектора аграрного производства как по числу лиц, занятых ЛПХ, так и по динамике объемов производства. В этот период снизилась также доля лиц, пользующихся коллективными садами и огородами. Наблюдается и незначительное снижение удельного веса данной категории хозяйств в общем производстве сельскохозяйственной продукции.

В настоящее время созданы законодательные и экономические предпосылки для развития личного подсобного хозяйства как равноправной формы сельскохозяйственного производства и ее возможной трансформации в самостоятельные крестьянские хозяйства. Однако большинство сельских жителей пока не решаются вести самостоятельные крестьянские хозяйства. На наш взгляд, сохранению личных подсобных хозяйств в их прежнем

¹ Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР. Социальные регуляторы и результаты развития. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 146–164.

² Россия в цифрах. 2007: Крат. Стат. сб./ Росстат. - М., 2007. – С. 231,234.

виде в значительной степени способствует существующий порядок налогообложения, согласно которому ЛПХ не облагаются подоходным налогом. Выплачиваемый владельцами ЛПХ земельный налог незначителен и потому не оказывает существенного влияния на рентабельность этой категории хозяйств. Она значительно увеличивается и благодаря использованию (бесплатно или на льготных условиях, легально или нелегально) ресурсов коллективных хозяйств. Положение ЛПХ как специфической формы неформальной аграрной экономики осознается большинством сельского населения и отражается в его поведении. Сельские жители понимают, что переход ЛПХ из неформального сектора экономики в формальный грозит им непосильным налоговым прессом и прекращением помощи коллективных хозяйств.

В настоящее время личные подсобные хозяйства населения занимают определенную нишу на продовольственном рынке страны. В них производится наиболее трудоемкая продукция растениеводства и животноводства, производство которой на крупных сельскохозяйственных предприятиях и в фермерских хозяйствах в современных условиях невыгодно. В 2006 г. в хозяйствах населения производилось 90,1% картофеля, 78,3% овощей, 48,7% мяса (в убойном весе), 51,5% молока¹. В целом объем производства в личном секторе аграрной экономики за период реформирования аграрных отношений увеличился более чем на одну треть. Однако этот рост даже с учетом вклада фермерских хозяйств лишь смягчил, а не компенсировал полностью обвальное падение объемов производства, наблюдаемое в коллективных хозяйствах. В результате в 2004 г. в растениеводстве достигнут уровень 1990 г., то в животноводстве он восстановлен лишь наполовину².

При оценке перспектив данного сегмента аграрной экономики следует также учитывать вынужденный характер ведения ЛПХ, на что указывают 60% сельских жителей. Резкое сокращение доходов, поступающих из сферы формальной экономики, рост безработицы побуждает сельских жителей использовать

¹ Россия в цифрах. 2007: Крат. Стат. сб./ Росстат. – М., 2007. – С. 235.

² Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы // АПК: экономика, управление, 2007, № 9. – С. 6.

ЛПХ как сферу самозанятости и дополнительный источник доходов семьи. Если бы у сельских жителей была возможность выбора, то, по данным репрезентативных социологических опросов населения, только 7% сельских жителей согласились бы заниматься только ЛПХ. Кроме того, почти 40% мужчин и половина сельских женщин отметили негативное влияние ЛПХ на состояние их здоровья в силу его физической тяжести и высокой трудоемкости¹. Если экономическая конъюнктура в стране изменится в лучшую сторону, то многие сельские жители сократят приусадебные хозяйства.

Вынужденное увеличение масштабов личного сектора в процессе реформирования аграрных отношений свидетельствует не о развитии частнособственнических настроений среди сельского населения и их нежелании работать в коллективном секторе, а лишь об умении русского крестьянина, уже в который раз брошенного государством на произвол судьбы, выносить на своих плечах все тяготы необдуманных социальных экспериментов. Поэтому рассматривать расширение производства в ЛПХ в качестве магистрального пути развития аграрной экономики, нет никаких оснований.

Таким образом, вместо модернизации сельскохозяйственного производства аграрная реформа привела к его архаизации. Это проявилось, в экспансии мелкотоварного производства, основанного на архаической системе хозяйствования: преобладании тяжелого немеханизированного труда, высокой трудоемкости, натурализации и потребительском характере производства, вовлечении в его сферу всех членов сельской семьи, включая стариков и детей. Как следствие – архаизация всего сельского образа жизни и депрофессионализация кадров.

Стремление реформаторов уничтожить коллективный сегмент аграрной экономики привело к гипертрофированному развитию мелкотоварного сектора, существование которого во многом зависит от коллективных хозяйств. Иными словами консервируется привычный тандем: ЛПХ – коллективные хозяйства. Круг замыкается.

¹ Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 303,305.

Ловушка хронической убыточности сельскохозяйственных предприятий

Одним из печальных результатов реформирования аграрного сектора явилось резкое ухудшение экономического положения сельскохозяйственных предприятий. За годы реформ доля убыточных сельскохозяйственных организаций многократно возросла. Несмотря на положительные тенденции в последние годы удельный вес убыточных хозяйств остается высоким и составляет, по данным за 2006 г., 35,1%. Государство попыталось избавиться от неэффективных собственников с помощью процедуры банкротства.

Действующий институт банкротства сельскохозяйственных предприятий, по меткому выражению одного из респондентов, – «внутренняя диверсия», был нацелен на ликвидацию неэффективного собственника и принудительное превращение наемных работников в рачительных самостоятельных хозяев. Идея по своей сути хорошая, но на практике ее реализация нередко приводит к прямо противоположным результатам.

Во-первых, процедура банкротства влечет за собой тяжелые социальные последствия: высвобождение работников, невыплаченная заработная плата, снижение уровня социальной защищенности работника, недополучение местным бюджетом налоговых поступлений от данного предприятия.

Во-вторых, нередко под процедуру банкротства подводятся далеко не худшие предприятия. Главной целью ее становится откровенный захват собственности: земли, зданий и сооружений, сельскохозяйственной техники. В результате действий исполнительных приставов за бесценок распродают основные производственные фонды коллективных хозяйств. Лишенные средств производства владельцы земельных паев вынуждены сдавать их в аренду новым хозяевам на кабальных условиях, либо в перспективе расстаться с ними и вовсе. Хотя сейчас многие сельские жители начинают понимать, что единственный капитал, которым они владеют в результате аграрных преобразований, – это земельные паи. Новые хозяева-предприниматели не скрывают своих намерений в перспективе скупить эти самые паи там, где бонитет почв достаточно высок и земельные угодья выгодно расположены.

Там же, где приход новых владельцев не сопровождается закрытием предприятия, первым шагом нового руководства становится коренная реорганизация, жесткая кадровая политика, нередко сопровождающаяся серьезными социальными издержками. Известны случаи, когда новые владельцы сельскохозяйственных или перерабатывающих предприятий, наслышанные о пороках сельских работников (пьянство на рабочем месте, воровство, низкая квалификация) идут на крайние меры: увольняют работавших здесь людей, а вместо них набирают людей из города и доставляют их на поденную работу по вахтовому принципу. Срабатывает так называемое «статистическое» предубеждение, означающее перенос определенных характеристик группы на отдельных индивидов и являющееся одним из источников дискриминации на рынке труда¹.

Стремление новых хозяев поднять эффективность производства и производительность труда, вполне понятно и оправдано. Но зачастую оно сопровождается высокими социальными издержками. Одним из печальных результатов реформирования сельского хозяйства стало массовое появление сел и деревень, где после банкротства сельхозпредприятий практически не остается крупных работодателей. Так, в Новосибирской области таких поселений насчитывается, по разным оценкам, от 200 до 300, еще в 100 селах предприятия находятся на грани закрытия, работы там практически тоже нет. Основным источником выживания в таких условиях является личное подсобное хозяйство. Однако там, где крупные сельхозпредприятия прекращают свое существование, личные подсобные хозяйства заметно сокращаются. Лишенные помощи со стороны коллективных хозяйств, которые и в сложных экономических условиях оказывают помощь своим работникам в ведении ЛПХ, сельские жители вынуждены свертывать свои приусадебные хозяйства. Такая ситуация усугубляет бедственное положение сельских семей, для которых приусадебное хозяйство в современной ситуации является одним из основных источников средств существования.

Таким образом, стремление государства избавиться от нерентабельных сельскохозяйственных предприятий без должной госу-

¹ Утинова С.С. Изоморфный рынок труда в России. – М.: Наука, 2003. – С. 31.

дарственной поддержки высвобождаемых работников приводит к резкому ухудшению уровня и качества жизни сельского населения.

В процессе реализации программы финансового оздоровления сельскохозяйственных предприятий в рамках Федерального закона «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» на базе хозяйств-банкротов стали создаваться новые юридические лица (чаще всего в виде сельскохозяйственных кооперативов (СПК) и муниципальных унитарных предприятий (МУП)), на баланс которых переводится наиболее ликвидное имущество «спасаемого» предприятия (скот, техника, оборотные средства). Передача средств производства сельхозпредприятий в муниципальную собственность и создание на их базе муниципальных унитарных предприятий является одной из попыток решения проблем неплатежеспособных предприятий, сохранения рабочих мест на селе и обеспечения, хотя бы минимальной социальной защиты работников. По мнению экспертов, нерентабельные неэффективные коллективные хозяйства существуют сейчас для перекачки ресурсов сельхозпредприятий в личные подсобные хозяйства населения, которые существуют, во многом, за счет помощи, оказываемой им коллективными хозяйствами.

Однако попытки реанимировать старые институциональные формы в виде муниципальных унитарных предприятий (МУП) не приносят серьезных положительных результатов. Это обусловлено тем, что старые институциональные формы приходят в противоречие с формирующимися новыми экономическими отношениями. Частные инвесторы не рискуют вкладывать свои деньги в сельскохозяйственные предприятия, базирующиеся на государственной «общественной» форме собственности. К тому же социальные последствия подобных преобразований также неблагоприятны для большинства работников предприятия, которые лишаются своих имущественных паев, которые вновь превращаются в коллективное достояние, образуя основные производственные фонды муниципальных унитарных предприятий.

Последняя программа реструктуризации долгов сельских товаропроизводителей представляет собой попытку увязать ее с эффективностью их деятельности. Иными словами, в перспективе выживание села должно будет более жестко зависеть от прибыльности хозяйств. *Отсрочка, рассрочка и частичное списание долгов,*

с одной стороны, заинтересовывают коллективные хозяйства пересмотреть политику в отношении реализации прав акционеров и стимулировать трудовой коллектив на рыночно ориентированное поведение, а с другой – закрепляют в сознании и поведении сельских товаропроизводителей патерналистские настроения.

В связи с этим благое дело о финансовой помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям может обернуться очередной институциональной ловушкой, еще и потому, что закрепляются привычные для советской практики симбиотические отношения личных подсобных и коллективных хозяйств. В результате такой политики мы получаем положительный социальный эффект, помогая населению в ведении ЛПХ и сохраняя рабочие места пусть и невысокого социального качества, но с другой стороны, мы поддерживаем и соответственно продлеваем срок существования неэффективных сельскохозяйственных предприятий.

Ловушка низкой цены сельскохозяйственного труда и бедности сельского населения

В результате первоначального накопления капитала, происходящего в России в 1990-х годах, большая часть населения, работающая по найму, утратила право на владение средствами производства и прямое пользование результатами своего труда. Подобно тому, как при становлении капитализма одним из главных источников накопления богатства буржуазии были разорение мелкого товаропроизводителя и усиление эксплуатации наемного труда, так и на современном этапе первоначальное накопление шло и продолжает идти путем уменьшения оплаты труда, т.е. необходимого продукта, покрывающего издержки воспроизводства рабочей силы¹. Сельские жители, как и другие россияне до сих пор переживают так называемую «приватизационную травму». *«Вся администрация, когда началась перестройка с распределением, была у руля, всю технику хорошую забрали. Мне людей жалко. Всю жизнь провалявали, а сейчас не очень грамотные остались с носом»* (из интервью с сельским респондентом).

¹ Плышевский Б. Частный и государственный капитал: проблема взаимоотношений // Экономист, 2004, № 6, с. 28.

Данные обследования бюджетов домашних хозяйств за 1997–2002 гг., говорят о существовании глубоких социальных различий в материальном благосостоянии городского и сельского населения России. Доля бедных в составе сельского населения в 1997–2002 гг. была примерно в 1,5 раза выше, чем среди городского населения. При этом для сельского населения риск стать бедными был намного выше, чем для горожан¹. При этом разрыв между городом и деревней по уровню бедности не сокращается, а растет.

Оплата труда остается основным источником формирования денежных доходов россиян несмотря на некоторое снижение ее доли по сравнению с дореформенным периодом. По данным государственной статистики, в 2006 г. оплата труда в структуре денежных доходов населения составляла 66,4% (для сравнения в 1992 г. ее доля оставляла 73,6%)². Между тем заработная плата сельскохозяйственных работников является и сейчас самой низкой среди отраслей экономики. В 2006 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельского хозяйства составила 4577,7 рубля или 42,7% по отношению к общероссийскому уровню и едва достигла прожиточного минимума трудоспособного населения³.

Расчеты экономистов показывают, что почасовая заработная плата в России составляет 1,7 долл. США, что в 1,5 раза ниже чем в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), тогда как производительность труда в промышленности России находилась на среднеевропейском уровне. По сравнению с группой стран большой семерки почасовая заработная плата в России отставала в 13,5 раз, а относительно стран Северной Европы (Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия) и того больше – 18,2 раза. В то время как по производству добавленной на одного занятого, разрыв не столь велик: он составляет 2,3 раза для «группы семи», и 2,6 раза по сравнению с Северной Европой (табл. 1).

¹ Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Бедность в современной России: масштабы и территориальная дифференциация // ЭКО, 2004, № 11, с. 41–56.

² Россия в цифрах. 2007: Крат. Стат. сб./ Росстат. – М., 2007, с. 117.

³ Россия в цифрах. 2007: Крат. Стат. сб./ Росстат. – М., 2007, с. 118,122

Таблица 1

**Соотношение России и других стран мира по заработной плате
и производительности труда (Россия =1. 2004 г.)**

Страна	Почасовая заработная плата	Производство добавленной стоимости на одного занятого
Северная Европа (Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия)	18,2	2,6
«Группа Семи»	13,5	2,3
Средиземноморский регион (Португалия, Греция, Испания, Словения, Турция, Израиль)	5,2	1,5
Юго-Восточная Азия (Южная Корея, Малайзия, Сингапур)	4,0	2,0
Центральная и Восточная Европа (Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия)	1,5	1,0
Латинская Америка (Чили, Колумбия, Мексика, Венесуэла)	1,4	1,0
Новые «центры силы» Азии (Китай, Индия, Индонезия)	0,3	0,5

Источник: IMD World Competitiveness Yearbook, 2005; Доклад А.Р. Белоусова «Долгосрочные тренды Российской экономики», 2005, с. 29. <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/274590/print.html>

При этом удельный вес расходов на оплату труда в валовом внутреннем продукте в целом по экономике страны сократился с 37,7% в 1995 г. до 34% – в 2004 г.¹ По данным МОТ, в настоящее время в Россия самая низкая почасовая оплата труда в мире. Согласно рекомендации ООН, оплата труда ниже 3 долларов в час считается недопустимой. При такой зарплате человек теряет стимулы к работе.

Низкая оплата труда позволяет предпринимателям сокращать издержки производства, но одновременно она ограничивает накопление капитала из-за узости внутреннего рынка. Кроме того, она

¹ Труд и занятость в России. 2005: Стат. сб./Росстат. – М., 2006, с. 412.

практически разрушает экономические стимулы к труду, что сказывается, как на заинтересованности, так и на производительности труда сельскохозяйственных работников¹. Аграрный сектор испытывает двойной прессинг как со стороны низкой цены труда сельскохозяйственных работников, так и со стороны низкого платежеспособного спроса остального населения. *В этом состоит другая институциональная ловушка.*

Не менее опасным следствием обесценивания труда и систематических нарушений в его оплате (длительные задержки заработной платы, высокая доля натуроплаты, отсутствие компенсаций за работу в неблагоприятных условиях труда, невыплата отпускных и т.п.) неизбежно обуславливают деструктивную адаптацию (дезадаптацию) сельского населения. Для нее характерно разрушение трудовой мотивации, снижение инструментальной и терминальной ценности труда, привыкание к бедности, к низким стандартам жизни, ориентация на выживание, а не на улучшение благосостояния, люмпенизация и маргинализация сельского населения.

Известно, что «безработица в легальном секторе увеличивает число преступлений против собственности не потому, что она пробуждает в людях беспокойство и жестокость, а потому, что она сокращает «прибыль» от легальных профессий»².

Если исходить из общественных интересов, то *институциональную систему, которая не обеспечивает заинтересованность социальных групп в рациональном поведении, нельзя считать эффективной, а процесс закрепления в практике нерациональных норм поведения можно рассматривать как институциональную ловушку.*

Положение усугубляется широким распространением суррогатных форм оплаты труда, задержки ее выплаты. Замена денежной оплаты труда в формальном и неформальном сегментах сельского рынка труда на суррогатные формы (натуроплата, «отоварка», выдача продукции под запись, обмен услугами и пр.), широкое распространение невыплаты заработной платы обусло-

¹ Пльшевский Б. Частный и государственный капитал: проблема взаимоотношений // Экономист, 2004, № 6, с. 26.

² Беккер Гэри С. Экономический анализ и человеческое поведение // Thesis, 1993, вып. 1., с. 334.

вили трансформацию денег. Люди на селе, по существу, забыли об истинной роли денег. Вместо денежного вознаграждения работники получают за свой труд зерно, мясомолочные продукты, корма для скота, молодняк животных для личного подсобного хозяйства, дрова, уголь и другие товары или продукцию. Распространенной формой оплаты труда на поденной работе у своих же односельчан стало спиртное.

Безусловно, основной причиной такой ситуации – неэффективность, низкая рентабельность сельскохозяйственного производства, во многом обусловленная существующим диспаритетом цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию и энергоресурсы, низким платежеспособным спросом населения, недостаточными масштабами государственной поддержки сельского товаропроизводителя.

Другая причина – высокий размер социального налога, что вынуждает руководителей хозяйств вводить определенную долю оплаты труда в тень или в натуральную форму, или вовсе ее не выплачивать. Государство за счет такого рода комбинаций не дополучает значительные суммы средств, предназначенные для решения социальных проблем, что усугубляет положение сельских работников. Получается замкнутый круг: правительство, стремясь решить насущные социальные проблемы, увеличивает налоги, а хозяйствующие субъекты, чтобы выжить в существующих условиях всяческими способами избегают этих налогов. В результате социальные проблемы остаются нерешенными. Возможно, намечающееся снижение социального налога с предприятий несколько улучшит ситуацию в будущем, хотя вряд ли поможет полностью избежать подобного рода институциональных ловушек.

Третья причина – недобросовестность некоторых работодателей, которые и при наличии финансовых ресурсов не выполняют своих контрактных обязательств. В результате сельские жители годами не получают денежное вознаграждение за собственный труд, а когда подворачивается редкий случай, то они не знают, что с полученными денежными знаками делать.

Очевидно, эпизодические, неожиданно полученные выплаты воспринимаются работниками уже не как заработная плата, а как случайный неожиданный приработок. Соответственно меняется и целевое предназначение этих денег. Современные исследования

свидетельствуют о том, что деньги сопряжены с «множественной символизацией». Например, даже при абсолютной идентичности полученных сумм люди совершенно по-разному воспримут неожиданный доход, если в одном случае речь идет о премии, а в другом – о наследстве¹. Следуя логике В. Зелизер, суммы, получаемые работником в виде *регулярного* заработка и *случайного* приработка, будут восприниматься ими как разные деньги, имеющие разное предназначение. Поэтому в случае эпизодической, «неожиданной» выплаты деньги воспринимаются ими как случайные и, как правило, не передаются на нужды семьи, а используются на другие цели, например, выпивку.

Возникновению множественности денег в селе способствует также и натурализация личного подсобного хозяйства. Из-за отсутствия постоянных заработков сельские семьи расширяют свои хозяйства с определенной целью, например, одного бычка держат, для того, чтобы оплатить учебу детей в Вузе, а другого – для того, чтобы «проводить» детей в школу, третьего, чтобы сыграть свадьбу и т.д.

Таким образом, деньги в селе перестают быть мерой труда, накопления и сбережения. В практике экономических отношений и социального обмена широко распространен бартер и немонетарные формы расчетов. Всеобщим эквивалентом, особой формой «социальных денег», по терминологии В. Зелизер, на селе становятся спиртное, корма, зерно, хлеб, молодняк животных, услуги и т.п.

Появление неэффективных социальных практик вследствие некачественного выполнения общественными институтами своих функций также можно считать институциональной ловушкой.

Решению указанных проблем, на наш взгляд, могла бы помочь разработка и реализация государственной программы реструктуризации сельскохозяйственной отрасли, аналогичной той, которая в свое время была применена в угольной промышленности. Эта программа должна предусматривать систему социальной защиты высвобождаемых работников, профессиональное консультирование и

¹ Зелизер Вивиана. Создание множественных денег // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004, с. 413-430.

переобучение, организацию общественных работ для обеспечения временной занятости, поддержку развития малого и среднего бизнеса, реконструкцию и развитие социальной сферы села, а главное, – это программу создания новых рабочих мест, в том числе, связанных с переработкой и хранением сельскохозяйственной продукции. Особое место должны занимать мероприятия, обеспечивающие условия ведения личных подсобных хозяйств населения в отсутствие коллективных хозяйств на базе развития сельской кооперации, включающей создание обслуживающих, кредитных, сбытовых и потребительских кооперативов.

По расчетам известных экономистов Д. Фомина и Г. Ханина, дефицит ресурсов в сельском хозяйстве и их избыток в пищевой промышленности и торговле – величины одного порядка. Отсюда следует, что проблемы сельского хозяйства, в том числе и программа реструктуризации отрасли, может быть решена за счет перераспределения доходов между отраслями продовольственного сектора¹.

¹ *Фомин Д., Ханин Г.* Что происходит в продовольственном комплексе: макроэкономический взгляд. // Отечественные записки, 2004, №1, с. 272–282.